

*Симон Соловейчик,
педагог, писатель, журналист*

НЕ НАШЕ ДЕЛО ВОСПИТЫВАТЬ СОВЕСТЬ

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ «ПЕДАГОГИКА ДЛЯ ВСЕХ»

Если мы будем исходить из того, что у ребёнка, который рядом с нами, нет совести, то воспитание станет невозможным. Воспитание, повторим, это питание правдой, развитие совести, побуждение жить по совести. Как же воспитывать, если считать, что совести нет?

Тем и различаются между собой педагоги. Одни убеждены в том, что у каждого ребёнка

есть совесть. Другие пытаются изобрести такие формы воспитания, чтобы можно было обойтись без совести — без совести воспитанника и без совести воспитателя. «Совесть» кажется им чем-то ненадёжным, потому что она появляется в ребёнке без нас и не поддается контролю и подчинению.

Совесть есть у всех. Не наше дело воспитывать совесть, «воспитание совести» — так по-русски не говорят, совесть сама возникает в душе ребёнка. Наше дело — воспитывать совесть.

Совесть — представление о той общей правде, на которой держится всё. Ребенок получает правду с языком. Но люди вокруг него, он видит, исповедуют не ту высшую правду, которую он чувствует в себе, а какую-то другую, упрощённую, извращённую. Постепенно ребёнок начинает подчиняться не высшей морали, а групповой морали близких и уважаемых им людей, морали эталонной группы, как говорят социологи, то есть морали той группы людей, к которой человек хотел бы принадлежать, в которой он хотел бы быть своим, в которой он находит защиту, безопасность.

По совести — стыдно воровать, а с точки зрения сельских ребятишек бывает стыдно не залезть в чужой сад — это признак трусости. С человеческой точки зрения, стыдно быть карьеристом, а с точки зрения определённой группы людей — стыдно не делать карьеры. Всё дело в том, с какими людьми общается наш ребёнок, на кого он равняется.

Поэтому, сколько бы ни уверяли мы мальчика или девочку, что плохо получать двойки, уговоры не действуют, если в классе презирают не двоечников, а отличников. И нужно много терпения и веры в ребенка, чтобы научить его поступать независимо от людей, его окружающих, равняться душой на высшее, а не случайное, стремиться к правде. Уговоры здесь действуют мало, а наказания совсем не действуют, они лишь укрепляют уверенность ребенка в его правоте и заставляют гордиться — ведь каждый из нас гордится, если страдает за свои убеждения.

Если вместо того чтобы годами показывать детям пример справедливости, передавать им свою веру в правду, мы начнём сводить счёты: «Ты со мной несправедливо поступил — ну и я с тобой так же», — если мы видим справедливость не в решении проблем, а в бесконечной череде наказаний и наград, если нам кажется, будто мир устроен по принципу «баш на баш», за добро — поощрение, за проступок — наказание, то мы подрываем веру в правду и тем бесконечно и безвозвратно ослабляем духовные силы ребёнка.

Нам кажется, что ребёнок бессовестен, поступает не по совести, что совесть спит в нём? Значит, вокруг него ослаблен фон справедливости — другой причины нет.

Принято считать, что если ребёнку постоянно говорить «нельзя, нельзя», то постепенно это внешнее — извне идущее — «нельзя» превратится в моральную привычку, во внутреннее «не могу».

Так ли это? Научных исследований и доказательств нет, одни лишь частные соображения. Но можно считать установленным фактом, что одним детям говорят «нельзя, нельзя», и оно превращается в «не могу», а в других случаях этого превращения почему-то не происходит.

И можно заметить, что превращение «нельзя» в «не могу» почти всегда совершается в сфере «внешнего стыда», стыда порядочности и этикета, стыда разоблачения, и этот стыд, смешиваемый с глубинным, называемый одним и тем же словом, иногда затмевает «страх порока», стыд второго рода, глубинный человеческий стыд при нарушении правды, великое «не могу»... Это «не могу» не воспитывается запретами «нельзя, нельзя». У него другой корень — совесть.

Чтобы ребёнка мучила совесть, чтобы он знал, что такое стыд, его нельзя стыдить. Стыдить — облегчать совесть. Каждый раз, когда ре-

бёнок набедакурит, просто огорчимся, вместо того чтобы наказывать и стыдить. Совесть пробуждается от любви, при виде причинённых страданий... Сила стыда зависит не от того, насколько часто мы стыдим, а от того, насколько мы близки и дороги ребёнку.

Стыд внушить нельзя, природа стыда, мы видели, не позволяет внушать его. Можно тысячу раз повторять мальчишке: «Тебе должно быть стыдно!» — но ему не стыдно, и он ничего не может с собой поделать, даже если чувствует себя виноватым в том, что ему не стыдно.

Стыд — чувство более тонкое. Пожалуй, правильнее, если мама и отец говорят сыну: «Мне перед тобой стыдно, я тебя обманул, нет, не говори, не уговаривай меня, я обещал погулять с тобой, а не могу, очень стыдно...»